
Тишина
между
строк

Артем Гриднев

Тишина между строк

«Автор»
2026

Гриднев А.

Тишина между строк / А. Гриднев — «Автор», 2026

Здравствуй путник. В этой книге ты почувствуешь первые чувства любви студента.

© Гриднев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сентябрьский свет 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Артем Гриднев
Тишина между строк

ТИШИНА МЕЖДУ СТРОК

Глава 1. Сентябрьский свет

Первый курс Николая уже давно перестал казаться новым, но именно в сентябре он впервые заметил Алису Сергеевну — преподавателя литературы, чьи лекции звучали так, словно книги были не пыльными памятниками, а живыми собеседниками.

За окнами медленно темнело, и стекло отражало аудиторию так ясно, будто университет существовал сразу в двух измерениях: в одном люди расходились по домам, в другом продолжали сидеть за партами и ждать ответа на вопрос, который никто не решался задать.

Он пытался объяснить себе, что восхищение человеком не даёт права требовать от него ответа. Эта мысль казалась простой, почти очевидной, но принять её сердцем было куда труднее, чем произнести вслух.

Он запоминал не отдельные жесты, а то, как Алиса умела слушать: не торопилась заполнить паузу и не делала вид, будто знает ответ заранее.

В коридоре пахло мокрой шерстью, мелом и кофе из автомата. Где-то хлопнула дверь, прошли быстрые шаги, и здание снова погрузилось в ту особенную тишину, которая бывает только после занятий.

Николай замечал, как легко воображение дорисовывает недостающие детали. Обычная вежливость превращалась в знак, короткая улыбка — в надежду, случайное совпадение — почти в обещание. Он учился отделять то, что действительно произошло, от того, что ему хотелось увидеть.

На лекциях Николай всё чаще записывал не только содержание, но и вопросы, которые возникали у него после услышанного. Постепенно его тетрадь перестала быть дневником одного чувства и стала настоящей рабочей тетрадью.

Город жил привычной жизнью: автобусы вздрагивали на остановках, продавцы закрывали киоски, прохожие прятали лица от ветра. Николай смотрел на всё это и удивлялся, как мир может оставаться таким обыкновенным, когда внутри него самого происходит нечто огромное.

Впервые за долгое время он спросил себя не о том, что Алиса думает о нём, а о том, кем он хочет стать сам. Ответ не пришёл сразу. Зато вопрос оказался честным, и этого пока было достаточно.

Алиса говорила со всей группой одинаково уважительно. В этом и заключалась её особенная привлекательность: она не выделяла никого, не раздавала обещаний и не пыталась казаться ближе, чем была.

На подоконнике лежала полоска холодного света. Пыль медленно кружилась в ней, и Николай подумал, что время, наверное, тоже движется так — незаметно, без торжественных объявлений, меняя очертания вещей.

Ему хотелось верить, что искренность сама по себе способна изменить обстоятельства. Позже он понял: искренность важна, но она не отменяет чужой свободы, разницы ролей и границ, которые существуют не для наказания, а для защиты обоих.

Он запоминал не отдельные жесты, а то, как Алиса умела слушать: не торопилась заполнить паузу и не делала вид, будто знает ответ заранее.

Дождь стучал по карнизу неровно, будто кто-то перебирал пальцами клавиши старого пианино. В такие минуты воспоминания становились особенно настойчивыми, а будущее казалось страницей, на которой ещё не высохли чернила.

Иногда ему казалось, что отказ обесценивает всё пережитое. Но постепенно он начал понимать: чувство не становится ложным только потому, что осталось без ответа. Оно может быть настоящим и одновременно не давать оснований для совместного будущего.

На лекциях Николай всё чаще записывал не только содержание, но и вопросы, которые возникали у него после услышанного. Постепенно его тетрадь перестала быть дневником одного чувства и стала настоящей рабочей тетрадью.

За окнами медленно темнело, и стекло отражало аудиторию так ясно, будто университет существовал сразу в двух измерениях: в одном люди расходились по домам, в другом продолжали сидеть за партами и ждать ответа на вопрос, который никто не решался задать.

Он пытался объяснить себе, что восхищение человеком не даёт права требовать от него ответа. Эта мысль казалась простой, почти очевидной, но принять её сердцем было куда труднее, чем произнести вслух.

Алиса говорила со всей группой одинаково уважительно. В этом и заключалась её особенная привлекательность: она не выделяла никого, не раздавала обещаний и не пыталась казаться ближе, чем была.

В коридоре пахло мокрой шерстью, мелом и кофе из автомата. Где-то хлопнула дверь, прошли быстрые шаги, и здание снова погрузилось в ту особенную тишину, которая бывает только после занятий.

Николай замечал, как легко воображение дорисовывает недостающие детали. Обычная вежливость превращалась в знак, короткая улыбка — в надежду, случайное совпадение — почти в обещание. Он учился отделять то, что действительно произошло, от того, что ему хотелось увидеть.

Он запоминал не отдельные жесты, а то, как Алиса умела слушать: не торопилась заполнить паузу и не делала вид, будто знает ответ заранее.

Город жил привычной жизнью: автобусы вздрагивали на остановках, продавцы закрывали киоски, прохожие прятали лица от ветра. Николай смотрел на всё это и удивлялся, как мир может оставаться таким обыкновенным, когда внутри него самого происходит нечто огромное.

Впервые за долгое время он спросил себя не о том, что Алиса думает о нём, а о том, кем он хочет стать сам. Ответ не пришёл сразу. Зато вопрос оказался честным, и этого пока было достаточно.

На лекциях Николай всё чаще записывал не только содержание, но и вопросы, которые возникали у него после услышанного. Постепенно его тетрадь перестала быть дневником одного чувства и стала настоящей рабочей тетрадью.

На подоконнике лежала полоска холодного света. Пыль медленно кружилась в ней, и Николай подумал, что время, наверное, тоже движется так — незаметно, без торжественных объявлений, меняя очертания вещей.

Ему хотелось верить, что искренность сама по себе способна изменить обстоятельства. Позже он понял: искренность важна, но она не отменяет чужой свободы, разницы ролей и границ, которые существуют не для наказания, а для защиты обоих.

Алиса говорила со всей группой одинаково уважительно. В этом и заключалась её особенная привлекательность: она не выделяла никого, не раздавала обещаний и не пыталась казаться ближе, чем была.

Дождь стучал по карнизу неровно, будто кто-то перебирал пальцами клавиши старого пианино. В такие минуты воспоминания становились особенно настойчивыми, а будущее казалось страницей, на которой ещё не высохли чернила.

Иногда ему казалось, что отказ обесценивает всё пережитое. Но постепенно он начал понимать: чувство не становится ложным только потому, что осталось без ответа. Оно может быть настоящим и одновременно не давать оснований для совместного будущего.

Он запоминал не отдельные жесты, а то, как Алиса умела слушать: не торопилась заполнить паузу и не делала вид, будто знает ответ заранее.

За окнами медленно темнело, и стекло отражало аудиторию так ясно, будто университет существовал сразу в двух измерениях: в одном люди расходились по домам, в другом продолжали сидеть за партами и ждать ответа на вопрос, который никто не решался задать.

Он пытался объяснить себе, что восхищение человеком не даёт права требовать от него ответа. Эта мысль казалась простой, почти очевидной, но принять её сердцем было куда труднее, чем произнести вслух.

На лекциях Николай всё чаще записывал не только содержание, но и вопросы, которые возникали у него после услышанного. Постепенно его тетрадь перестала быть дневником одного чувства и стала настоящей рабочей тетрадью.

В коридоре пахло мокрой шерстью, мелом и кофе из автомата. Где-то хлопнула дверь, прошли быстрые шаги, и здание снова погрузилось в ту особенную тишину, которая бывает только после занятий.

Николай замечал, как легко воображение дорисовывает недостающие детали. Обычная вежливость превращалась в знак, короткая улыбка — в надежду, случайное совпадение — почти в обещание. Он учился отделять то, что действительно произошло, от того, что ему хотелось увидеть.

Алиса говорила со всей группой одинаково уважительно. В этом и заключалась её особенная привлекательность: она не выделяла никого, не раздавала обещаний и не пыталась казаться ближе, чем была.

Город жил привычной жизнью: автобусы вздрагивали на остановках, продавцы закрывали киоски, прохожие прятали лица от ветра. Николай смотрел на всё это и удивлялся, как мир может оставаться таким обыкновенным, когда внутри него самого происходит нечто огромное.

Впервые за долгое время он спросил себя не о том, что Алиса думает о нём, а о том, кем он хочет стать сам. Ответ не пришёл сразу. Зато вопрос оказался честным, и этого пока было достаточно.

Он запоминал не отдельные жесты, а то, как Алиса умела слушать: не торопилась заполнить паузу и не делала вид, будто знает ответ заранее.

На подоконнике лежала полоска холодного света. Пыль медленно кружилась в ней, и Николай подумал, что время, наверное, тоже движется так — незаметно, без торжественных объявлений, меняя очертания вещей.

Ему хотелось верить, что искренность сама по себе способна изменить обстоятельства. Позже он понял: искренность важна, но она не отменяет чужой свободы, разницы ролей и границ, которые существуют не для наказания, а для защиты обоих.

На лекциях Николай всё чаще записывал не только содержание, но и вопросы, которые возникали у него после услышанного. Постепенно его тетрадь перестала быть дневником одного чувства и стала настоящей рабочей тетрадью.

Дождь стучал по карнизу неровно, будто кто-то перебирал пальцами клавиши старого пианино. В такие минуты воспоминания становились особенно настойчивыми, а будущее казалось страницей, на которой ещё не высохли чернила.

Иногда ему казалось, что отказ обесценивает всё пережитое. Но постепенно он начал понимать: чувство не становится ложным только потому, что осталось без ответа. Оно может быть настоящим и одновременно не давать оснований для совместного будущего.

Алиса говорила со всей группой одинаково уважительно. В этом и заключалась её особенная привлекательность: она не выделяла никого, не раздавала обещаний и не пыталась казаться ближе, чем была.

За окнами медленно темнело, и стекло отражало аудиторию так ясно, будто университет существовал сразу в двух измерениях: в одном люди расходились по домам, в другом продолжали сидеть за партами и ждать ответа на вопрос, который никто не решался задать.

Он пытался объяснить себе, что восхищение человеком не даёт права требовать от него ответа. Эта мысль казалась простой, почти очевидной, но принять её сердцем было куда труднее, чем произнести вслух.

Он запоминал не отдельные жесты, а то, как Алиса умела слушать: не торопилась заполнить паузу и не делала вид, будто знает ответ заранее.

В коридоре пахло мокрой шерстью, мелом и кофе из автомата. Где-то хлопнула дверь, прошли быстрые шаги, и здание снова погрузилось в ту особенную тишину, которая бывает только после занятий.

Николай замечал, как легко воображение дорисовывает недостающие детали. Обычная вежливость превращалась в знак, короткая улыбка — в надежду, случайное совпадение — почти в обещание. Он учился отделять то, что действительно произошло, от того, что ему хотелось увидеть.

На лекциях Николай всё чаще записывал не только содержание, но и вопросы, которые возникали у него после услышанного. Постепенно его тетрадь перестала быть дневником одного чувства и стала настоящей рабочей тетрадью.

Город жил привычной жизнью: автобусы вздрагивали на остановках, продавцы закрывали киоски, прохожие прятали лица от ветра. Николай смотрел на всё это и удивлялся, как мир может оставаться таким обыкновенным, когда внутри него самого происходит нечто огромное.

Впервые за долгое время он спросил себя не о том, что Алиса думает о нём, а о том, кем он хочет стать сам. Ответ не пришёл сразу. Зато вопрос оказался честным, и этого пока было достаточно.

Алиса говорила со всей группой одинаково уважительно. В этом и заключалась её особенная привлекательность: она не выделяла никого, не раздавала обещаний и не пыталась казаться ближе, чем была.

Позднее он понял, что именно этот день стал поворотным. Не потому, что случилось что-то необыкновенное, а потому, что впервые он не стал искать в обычном событии тайный смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.